

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ПОБЕДИТЕЛИ

Владислав Крапивин

Победители

«Автор»

1976

Крапивин В. П.

Победители / В. П. Крапивин — «Автор», 1976

Несколько увлекательных рассказов о жизни мальчишек, к героям которых просто нельзя остаться равнодушным. Подсмеиваешься над шестилетним Сегой, охотившимся на львов. Сочувствуешь Алешке, которому пришлось совершить настоящий подвиг, чтобы помочь шоферу выбраться из западни... Но главное, читая эту книгу, ты чувствуешь заботы и радости детской жизни...

© Крапивин В. П., 1976

© Автор, 1976

Содержание

КАПИТАНЫ НЕ СМОТРЯТ НАЗАД	5
1	5
2	11
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владислав Крапивин

Победители

Рассказы 60-х и 70-х годов

КАПИТАНЫ НЕ СМОТРЯТ НАЗАД

1

Вечер был синим. Казалось, что синий он не от сумерек, а от прозрачного тонкого дыма, который наползал с востока. На высохших болотах горел торф.

Борис и Юрик сидели на чердаке у широкого квадратного окна.

Валька вскарабкалась к ним.

– Пустите-ка.

Они молча подвинулись.

– Не приехал? – спросил Юрик. Он и так знал, что спрашивает зря, но было трудно сидеть так и молчать. Он вообще не мог молчать долго.

Валька медленно качнула головой.

– Не...

– Черти его носят! – сказал Юрик Борису.

Борис не ответил.

Воздух был пропитан запахом горящего торфа – не сильным, но едким и каким-то тревожным. Огонь скрытно полз по торфу под тонким слоем почвы. Еще днем путь его можно было проследить лишь по белым

змеякам дыма и редким язычкам пламени на стеблях высохшей травы. А сейчас за поселком горели стога. Огонь подбирался к ним снизу, изнутри. Они стояли на равном расстоянии друг от друга и загорались через каждые три минуты. Едва затухал один, как вспыхивал следующий.

Сперва стог начинал светиться чем-то красным и зловещим, будто внутри у него билась живая кровь, потом вырывалось пламя, и желтый костер вырастал до неба.

Валька сидела, завернувшись в большую кофту матери, и не двигалась. Отблески пламени разгорались в ее глазах яркими огоньками.

– Краси-иво! – певуче сказала она.

– Шарики у тебя работают? – хмуро спросил Борис. – Там сено горит, а она « Краси-иво»... Нашла чего хорошего.

– Я и не говорю, что хорошо. Просто красиво, – спокойно сказала Валька. – Ничего не понимаешь...

– А так не бывает, чтобы плохое и красивое! – громко вмешался Юрик. Он почувствовал, что можно поспорить. И повторил: – Не бывает!

– Бывает, – тихо сказала Валька.

– Ну и глупо!

Спора не получилось. Но молчать Юрик не хотел. Когда молчишь, сильнее делается тревога.

– Теперь не потушишь. Еще и лес загореться может. Или хлеб на полях.

Борис подумал и произнес:

– Поля за насыпью. Через железную дорогу огонь не пойдет. А за лесом воздушные патрули следят. С парашютами.

– А чего сено не вывозят? – спросил Юрик.

– Не успели, значит. И машины все на уборочной.

Снова запылал стог. Если говорить по-честному, Юрику тоже нравилось смотреть, как они горят, но он ни за что бы не признался в этом, раз Борис недоволен. И со злостью сказал:

– Какой-то дурак окурочек бросил, вот и пошло...

– И никакой не окурочек, – своим протяжным голосом заговорила Валька. – Это все от метеорита загорелось. Мне рассказывали.

– Кто тебе рассказывал? – огрызнулся Юрик.

– Ну, Алешка рассказывал.

– Слушай ты его больше, – сказал Борис. – Он наговорит... Тоже вот сказал сегодня: «Один часик покатаюсь». Теперь ищи ветра... Ночь уже скоро.

– Слышь, Борь, – вкрадчиво заговорил Юрик, – он ей всякую чепуху насочиняет, а она верит. Тогда тоже какую-то горушку в лесу увидели говорит, что курган. И потащил ее клад искать. А нашли, знаешь, что? Ха...

– Да ну тебя, – сказал Борис.

– А про метеорит все равно правда, – вздохнула Валька. – Вы ничего не знаете, потому что спали, а Алешка не спал и все видел, как звезда упала на болото, видел. А утром уже горело.

– А нам почему не сказал? – спросил Борис.

– Он только ей одной про все говорит, – невесело хихикнул Юрик.

– Невесте своей.

– Болтун несчастный! – печально сказала Валька. – Хоть бы полечил язык свой длинный, что ли...

Борис повернулся к ней.

– Может, он этот метеорит искать поехал?

Валька встревоженно заморгала.

– Я не знаю. На велосипеде разве можно туда?

– Туда никак нельзя, – вмешался Юрик. – В торфе такие ямищи выгорают. Бухнешься туда и в горячем пепле задохнешься.

– Брехня! – отрезал Борис.

– Если бы брехня!.. – сказал Юрик тихо и серьезно.

Еще один стог вспыхнул ярким, бездымным пламенем. Свет долетел до чердака и выхватил из темноты ребячьи лица. Толстогубый белобрысый Борис сидел насупившись. Круглое Юркино лицо было уже не насмешливым, а обеспокоенным. Валька смотрела прямо перед собой и грызла кончик тоненькой светлой косы. И вдруг побежала по Валькиной щеке блестящая точка – слезинка.

– Еще чего! – разозлился Борис. – Пореву еще. Ладно, что матери нет, а то бы уже на два голоса...

– А почему ее нет? – спросил Юрик, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Дежурит на станции. Она всегда дежурит по пятницам.

Валька выпустила из зубов косу.

– Сегодня пятница?

– Привет! – сказал Юрик.

– Я знаю, – быстро заговорила Валька, – он на реку уехал. Ой, что бу-удет...

– Что «бу-удет»? Почему на реку? – закипятился Юрик.

Но Борис уже вскочил. И первый спустился по лестнице.

– В какую сторону? – спросил он на ходу.

– Где обрыв. К сухой сосне, – тяжело дыша, сказала Валька. Она еле поспевала за мальчишками.

– Всего-то километра два, – тихо проговорил Борис. – Сто раз можно было съездить.

– Думаешь, потонул? – брякнул Юрик.

– Да помолчи! – крикнул Борис.

Улицу прошли быстро. Потянулся луг. Пересекли шоссе. Асфальт был еще теплый.

Желтые ромашки светились в темной траве. Круг земли, очерченный горизонтом, был уже укрыт сумерками. Небо на юго-востоке тоже стало

густо-синим, ночным. Но северо-запад оставался зеленовато-желтым, и на светлом небе рисовалась черная сосна с голыми кривыми сучьями. Там был обрыв над рекой.

– Зачем его туда понесло, Алешку твоего? – сквозь зубы спросил Борис у Вальки.

– Твоего!.. Я, что ли, знаю, зачем... Он «Рахманинова» провожать поехал.

– Кого?

– Ну, теплоход...

Борис плюнул на ходу.

– Хоть бы я что-нибудь понимал.

– У них всякие свои тайны, – забегая вперед, торопливо заговорил Юрик. – Он ей про все рассказывает. А нам ничего.

Валька всхлипнула:

– Я, что ли, виновата?

Разве она была виновата в том, что ей, а не им все рассказывал Алешка?

Прошлым летом было не так. Он тогда тоже все каникулы прожил у них. Мать Вальки и Бориса

была хорошей подругой Алешкиной матери – тети Гали. Она давно звала «свою Галинку» приехать в поселок, где лес и река и совсем как на даче, но Галинка не могла и второе лето подряд присылала вместо себя сына.

В том году они все пошли встречать его – мама, Борис, соседский Юрка. И она, Валька, пошла.

Он вышел из вагона, маленький, тщательно причесанный и чисто умытый на дорогу, в аккуратном сером костюмчике и черном беретике на затылке...

Ну и что же, что она подумала, будто Алешка красивый? Ведь никто этого не знал.

А он через несколько дней превратился в обыкновенного мальчишку. Забросил свою курточку с большими красивыми пуговицами и беретик с блестящим значком, изодрал о футбольный мяч новые желтые сандалии. Волосы отросли и стали растрепанными. Пропылится он и загорел, потому что целые дни носился где-то с мальчишками. И так же, как они, дразнил ее, когда надоедала:

По болоту шла Валуха —
Позолоченное брюхо!

Спали они, как и нынче, на чердаке. Втроем – Алешка, Борис и Юрик. Там у них был какой-то штаб. Там они делали себе луки с легкими тростниковыми стрелами. А Вальке не делали. Ну и не надо, она и сама умела. Только ей не хотелось...

А в этом году все получилось иначе. Алешку никто не встречал. Он приехал неожиданно и пришел со станции один. В том же черном берете и сером костюмчике, из которого сильно вырос.

Валька поливала в огороде огурцы.

– Алешка, ой!.. – растерялась она.

Он сказал:

– Что ойкаешь? Пчела, что ли укусила?

– Не... Не укусила, – ответила она и смутилась. – А почему не написал, когда приедешь? Мы бы встретили.

– И так знаю дорогу, – сказал он, стаскивая с плеча лямку маленького рюкзака. Вдруг посмотрел на Вальку и удивился:

– Ты длинная какая стала!

– И ты... – Валька несмело улыбнулась. – Тоже какой-то... как журавель длинноногий.

Она тут же испугалась. И чтобы Алешка не вздумал обидеться, добавила:

– Теперь на Васькином велосипеде с седла до педалей достанешь, наверно.

– Нет, – вздохнул он, – еще не достану. Еще на раме придется ездить.

И они замолчали. Потом Валька сказала,

– Наших-то дома нет. Мама с Василием на работе, а Борис пошел с Юркой на карьер рыбачить.

– У-у... – Алешка сразу как-то потускнел. И Валька опять испугалась. Она не хотела, чтобы ему было скучно.

– Может, отдохнешь? – нерешительно спросила она, потому что знала: с дороги полагается отдыхать.

– Не хочу, – отмахнулся Алешка. – Думаешь, устал? Всего три часа в поезде...

– А пыльный-то какой. Ужас! – сказала она.

– Это я в окне торчал.

– А умыться хочешь? Хочешь, полью?

– Полей.

Валька поливала ему на руки прямо из лейки и думала: сказать или не сказать? Ей было не жалко своей тайны, но Валька боялась, что

Алешка будет смеяться.

И все-таки она решилась. Ведь нельзя же, чтобы он с первых минут заскучал здесь.

– А хочешь... Хочешь, покажу чудовище?

– Где? – быстро спросил он.

– А близко. В роще за кладбищем.

– Хочу.

И они побежали, бросив среди гряд тощий Алешкин рюкзачок и зеленую лейку, из которой, булькая, выливалась вода...

Алешка не смеялся. Чудовище оказалось просто обломанным стволом кривой березы, но Алешка не смеялся.

– У-у, – тихо протянул он. И сказал смущенной Вальке: – Это белый дракон.

Выгнутая книзу, расщепленная верхушка ствола походила на страшную голову с ощеренной пастью. Черный сучок-глаз бешено смотрел с высоты.

– А другого глаза нет, – озабоченно сказал Алешка. Скинул сандалии, с трудом вскарабкался по стволу и сел дракону на шею. Потом вытащил перочинный ножик и стал выпарывать на морде чудовища второй глаз.

– Ой, свалишься, – прошептала Валька.

Он не свалился, но порезал палец.

– Говорила я, – взрослым голосом сказала Валька. – Подожди, найду подорожник.

Сунув палец в рот, Алешка пробормотал:

– Здесь нозыком бесполезно. Нузен топор...

– Сбегаем? – предложила она робко.

– Сбегаем!

Они побежали напрямик, по большой запутанной траве, и Алешка бежал рядом и смеялся, все еще держа палец во рту.

Дома по-прежнему никого не было, и они взяли плотничий топор Василия – младшего брата Валькиной матери. Сделали чудовищу второй

хороший глаз, приладили костлявые лапы из сучьев и гриву из прошлогодней травы.

Вечером соседская бабка Аня, крестясь, рассказывала женщинам, что по дороге на кладбище видела нечистую силу. Валька и Алешка тихо смеялись, а Борис и Юрик ничего не понимали...

И потом они не понимали многого. Юрка однажды сказал хмурому Борису:

– Мамочкиным сыном он стал. Жених...

Ну и пусть! А про теплоход все равно Алешка рассказал ей одной.

Это была его тайна.

Так получилось. Он катался на большом велосипеде Василия, ехал, куда поведет тропинка, и она привела его на обрывистый берег к сухой одинокой сосне. Алешка удивился: почему не спилят на дрова это дерево без единой зеленой иголки?

Из-за дальнего поворота показался теплоход. Он двигался не посередине реки, а к правому берегу, прямо на сосну и на Алешку. Но потом развернулся и пошел вдоль обрыва, поблескивая белыми буквами названия: «Рахманинов».

И Алешка понял: сосна – это знак для капитанов.

– Это чтобы правильно вести судно, – объяснил он потом Вальке.

– Чтобы выбирать путь, где река глубже...

Через неделю «Рахманинов» возвращался из рейса. И Алешка снова поехал на берег. И когда теплоход опять уходил на север, Алешка стоял у сосны и смотрел, смотрел...

– А другие пароходы тебе не нравятся? – спросила Валька.

– Я не знаю, – вздохнул он. – Другие какие-то не такие.

– Этот красивый, – сразу согласилась она.

– Он как морской, – тихо сказал Алешка. – Он, говорят, ходит в Обскую губу. А там уже море...

И сегодня Алешка уехал смотреть, как мимо пройдет «Рахманинов». Днем еще уехал.

Валька очень боялась, что они найдут у сосны одинокий велосипед. Но его не было. Не было его и под обрывом, на песке.

– Могли же украсть, – уныло сказал Юрка. – Если Алешка потонул, велик увести могли.

– Городишь сам не знаешь что! – разозлился Борис. – Здесь и не бывает никто почти.

– А может, бывает...

– В чем он уехал? – спросил Борис у Вальки. – Да перестань ты носом хлюпать!

– Я, что ли, знаю... В трусах, в майке.

– Босиком?..

– В сандалетах.

– Ну, вот. Они-то все равно бы остались. Кому они нужны? Там дыры в подошвах – каждая с пятак. Айда домой, может, он приехал. Я ему морду набью, маминому сыночку.

– Тебе бы только бить, – всхлипнула Валька.

Они торопливо зашагали назад.

– Может, правда, приехал? – шепотом сказала Валька.

– Сейчас Василий придет. Надо сказать, что Алешка потерялся, – бросил Борис.

– Ничего и говорить не надо, – вздохнул Юрик. – Он сам спросит, где велосипед. Ему же на танцы с Зойкой надо ехать.

– Все ты знаешь, – сердито сказал Борис.

– А чего? Знаю! И Алешка знает. Фигу ему Василий даст еще покататься. Не понимает, что ли, ваш Алешка?

2

Алешка все понимал. Но с самого начала ему просто не везло.

Виноваты были машины.

Они шли и шли нескончаемой цепью. Алешка насчитал пятьдесят четыре и сбился. Мелькали, мелькали зеленые кузова с белой надписью «Уборочная». А за стеклами кабин Алешка видел лица водителей, усталые и равнодушные. Водителям не было дела до Алешки.

Ни один из них не нажмет тормоз!

И надо ждать, ждать, пока не пройдет этот гудящий поток. Лишь тогда можно будет пересечь шоссе и снова помчаться, налегая всей тяжестью на педали. И уже не по тропинке, а напрямик, подминая колесами желтые высокие ромашки. Потому что надо спешить.

А машины, кажется, не спешили. И Алешка уже ненавидел их, тупомордых, тяжелых, гудящих надоедливо и бесконечно. Они закрыли ему путь к берегу! И ползли, ползли по горячему от солнца асфальту. А время летело...

Он опоздал.

Когда хвост автоколонны вытянулся из леса, Алешка сквозь гул моторов услышал гудение теплохода. Вернее, не услышал, а просто почувствовал чуть заметный двойной толчок воздуха. Значит, «Рахманинов» показался из-за желтого глинистого мыса.

И Алешка повернул назад.

Правда, он знал, что мог бы еще успеть и увидеть корму теплохода. Вдали, у нижнего поворота. Но зачем? Капитан все равно не заметит Алешку. Капитаны не смотрят назад. Им нельзя. Впереди опасная дорога: мели, перекаты.

Он опоздал. Значит, все было зря. Зря ездил на станцию, зря просил какого-то недовольного пассажира позвонить в город, на пристань. Сам Алешка звонить не мог: телефонистка знала его по голосу и бросала трубку. Он ей надоел. Пассажир торопился куда-то, но Алешка очень вежливо попросил его узнать, когда отчалит «Рахманинов». И тот дозвонился и узнал. И проворчал, подхватывая чемодан:

– В двенадцать тридцать по-местному. И зачем тебе? Все равно он здесь не останавливается...

Зачем? Будто все на свете можно объяснить!

Он и себе-то не мог объяснить как следует. Просто, когда белый трехпалубный теплоход появлялся из-за мыса, что-то непонятное делалось с Алешкой. Словно «Рахманинов» вез ему какой-то удивительный подарок. Или какую-то тайну...

Теплоход походил мимо. Путь его лежал по синим лентам рек, окаймленных тайгой. А на берегу оставался Алешка, и ему было грустно. Он хотел, чтобы у него было что-то общее с теми, кто водит «Рахманинова» к морю. Чтобы он мог сказать: «Мой корабль». Но пока он мог только приходить на берег и смотреть, как белый теплоход проплывает мимо. И он приходил каждый раз, как на вахту. И смотрел.

Он думал, что, может быть, капитан заметит его – мальчика с велосипедом, всегда стоящего у сухой одинокой сосны.

А зачем надо, чтобы он заметил? Этого Алешка совсем не сумел бы объяснить. Даже Вальке, хотя она все хорошо понимала.

Но, может быть, будущим летом он с отцом поплывет на «Рахманинове» в Самарово – там живет папин товарищ. И Алешка где-нибудь на трапе встретит капитана и скажет:

– Здравствуйте. Вы помните сухую сосну на обрыве у поселка Белые Юрты?

– Да, – ответит капитан, потому что он, конечно, знает все береговые приметы. – Помню. Ну и что? – И нетерпеливо сведет брови.

– А помните, в прошлом году там всегда стоял велосипедист?

- Да, действительно, – вспомнит капитан. – Это было. А в чем дело?
- Так просто. Ни в чем, – скажет Алешка. – Это был я.
- Вот как? – слегка удивится капитан. – И что ты там делал? Всегда...
- И Алешка ответит:
- Ждал вас.

Брови под лаковым козырьком разойдутся, и капитан не станет больше спрашивать. Капитаны понимают с полуслова. Он возьмет Алешку за плечо и поведет на мостик...

А что будет потом, Алешка придумать не мог. Но, наверно, что-то хорошее. Лишь бы капитан действительно заметил его.

И, кажется, это случилось. В прошлый раз.

Алешка поднял руку и нерешительно махнул теплоходу. Произошло удивительное: дрогнул воздух, и басовитый голос сирены трижды прозвучал над водой: та-а... та-а... та-а...

Кому сигналил «Рахманинов»? Раньше он никогда не гудел здесь, честное слово! Зачем ему гудки, если до поворота далеко, а впереди ни суденышка? И вообще никого кругом. Только Алешка на обрыве. Значит, это ему? Может быть, правда ему?

А в следующий раз, если снова махнуть рукой? Ответит?

Но следующего раза не было. Помешали машины.

Домой Алешка не поехал. Не хотелось. Борис и Юрка собираются на старый карьер купаться, а может, рыбачить. Борис у Алешки спросит: «Пойдешь?» Алешка мотнет головой: «Не пойду». «Почему?» Ну, как ему объяснишь? Сказать, что настроения нет? Борис только плюнет в лопухи – настроения еще какие-то! А Юрка ехидно зашепчет: «Ну и пусть сидит дома с невестой своей. Мы и без него... Ага, Борь?» И чего они злятся на Алешку? Будто он что-то плохое им сделал! Будто он должен ходить везде вместе с ними и делать все, что они делают! А если ему интересно что-то другое?

И, проезжая у березовой опушки, он свернул на чуть заметную тропинку. Увидел ее и сразу повернул, даже сам не ожидал этого. По лицу, по плечам, по коленям стеганули мелкие листья. Зазвенели спицы, отбивая и перемалывая тонкие сухие ветки. Лицо залепила невидимая лесная паутина. Отплевываясь, Алешка успел заметить толстого серого паука. Паук раскачивался на обрывке порванной мухоловной сети, сердито шевелил ногами и, наверно, ругался.

Березняк скоро кончился, тропинка пошла под уклон, и велосипед, прыгая по корням, сам выехал на желтую песчаную дорогу.

Если свернуть налево, дорога выведет на тракт. Но чего Алешка не видел на этом тракте? Опять смотреть, как ползут грузовики? Он повернул направо и нажал на педали.

Там, где песок, ехать нелегко, даже если сидишь в седле. А если велосипед большой и надо стоять на педалях и в то же время крутить их, то совсем тяжело. И все же он ехал. Он вспомнил про машины и снова здорово разозлился на них. А когда злишься, то часто не замечаешь трудностей. И, кроме того, было интересно: что там впереди? И дальше, за поворотом?

За поворотом была машина.

Съехав задними колесами в травянистый кювет и наклонившись, на дороге стоял лесовоз. Прицеп его совсем лежал на боку, завалился в яму с рыжими осыпавшимися краями. Наверно, эта машина, которая везла несколько длинных сосновых стволов, задела прицепом о дерево на повороте. Прицеп съехал в яму из-под выкорчеванных пней и потянул грузовик в кювет.

Тяжелые стволы порвали стягивающую нить и грозили совсем развалиться.

Алешка остановился. Он не мог не остановиться, не порадоваться. Он еще слишком сердит был на всех шоферов на свете, и ему казалось справедливым, что хоть один из них прочно засел в яме. Так и надо! Это им не по шоссе ездить!

Из-за кабины вышел водитель. Невысокий, круглолицый, с рыжеватым ежиком волос. И совсем еще молодой. На лице у него было такое выражение, будто он только что получил взбучку от начальства.

Водитель подошел к переднему колесу и с беспомощной злостью ударил ботинком по шине. Это было смешно. Алешка злорадно сказал:

– Теперь не выбраться. Никак.

Шофер оглянулся. Он только сейчас увидел Алешку, но, кажется, не удивился. Лишь спросил:

– А чего скалишься? Весело?

«Скалишься!» Алешка, наоборот, сдерживал смех. Но теперь он сказал:

– Весело, конечно.

– Ну и катись отсюда, если весело, – мрачно произнес парень.

Ничего особенного он, кажется, не сказал, но обида вдруг прихлынула к Алешке, большая и горячая.

– Катись?! – крикнул он удивленному парню. – Куда ни сунешься, везде катись, да? Весь тракт забили – не проскочишь, и отсюда тоже катиться? Ваша, что ли, дорога?

Шофер стоял у колеса, моргал рыжими ресницами и молчал. Алешке стало неловко: раскричался, как капризная девчонка. Только зареветь не хватало. И чтобы как-то оправдать перед водителем эту вспышку обиды, Алешка сердито пробормотал:

– И так опоздал из-за этих ваших грузовиков... Ползут и ползут, всю дорогу закрыли. Хоть бы один остановился...

– Не остановятся, – миролюбиво объяснил шофер. – это же колонна. Я и сам на тракт выходил, думал, попрошу кого-нибудь, чтобы

выбраться помог. Черта с два! Идут и идут. Торопятся.

Алешка оттопырил губу:

– Торопятся! Как черепахи...

– Да нет, торопятся, – серьезно сказал водитель. – Вот и я торопился. Надо было по тракту ехать, а я... – он сунул руки в карманы и виновато поежился, будто оправдывался перед Алешкой.

«Видно, мало еще водил лесовозы, – подумал Алешка. – Это, наверно, трудно – водить их...»

Шофер, не глядя на Алешку, вдруг тихо попросил:

– Слышь, парень... Одолжи велосипед?

– Что-о?

– Ненадолго. Съезжу только за тягачом.

– Куда? – машинально сказал Алешка. Он совсем не собирался давать велосипед. Даже качнул его для пробы: легко ли тронуть с места, если придется отступить? Но водитель понял его «куда» как согласие. И заговорил, коротко взмахивая веснушчатými ладонями:

– Ближе совсем, там наши работают. Ну не сидеть же мне здесь, там люди ждут, им столбы нужны позарез.

Алешка поглядел на желтые со смолистыми подтеками стволы и понял: «Это столбы».

– Не мой велосипед, – насупившись, сказал он.

Парень как-то сразу сник. И поговорил, будто ища сочувствия:

– И чего меня здесь понесло? Искать будут – в жизни не найдут. Пешком, что ли, топтать на ток?

– Куда? – удивился Алешка.

– Да на ток... Полевой стан там, а рядом зерноочистительный ток оборудуют. Не понимаешь, что ли? Движки есть, зернопульта есть, а столбов нету. По земле, что ли, провода тянуть?

Алешка молчал. Он понимал, что по земле провода тянуть нельзя.

– Ты, может, за велосипед боишься, – спросил шофер. – Да не бойся. Я же от машины никуда не денусь. Да на Малом Торфянике меня любой знает. Улица Гоголя, дом три, Феликс Ерохин.

«Феликс!» – усмехнулся про себя Алешка. Людей с таким именем он представлял высокими, сильными и молчаливыми. Вот Дзержинский – это Феликс. А тут что? Маленький, лицо как блин, глаза испуганные – боится, наверно, что попадет за аварию.

– Жмот! – вдруг резко сказал Феликс. Нет, глаза не были испуганными. Они стали зелеными и злыми.

Алешка хотел обидеться и не сумел. Не получилось. Он только снова объяснил:

– Если чужой велосипед... Мне к четырем часам домой надо.

– Я бы успел до четырех десять раз обернуться. Туда и обратно всего километров пятнадцать. А сейчас пятнадцать минут третьего. Это же легкая машина, – он показал на велосипед. – У меня такая же была. Соседские пацаны добили.

Алешка молчал.

– Надо сегодня поставить столбы. Завтра на ток зерно повезут.

– Может, кто-нибудь поедет здесь и вытащит, – глядя вниз, – сказал Алешка.

– Поедет! Кто сюда сунется? Это я, дурак, полез. Зеркала нет в кабине, смотреть назад нельзя. Дорога такая, что на оглянешься. Вот и зацепил.

«Он все-таки плохой шофер, – подумал Алешка. – Догадался же сунуться с такой махиной на эту дорогу... Но что ему было делать? Назад не то что повернуть, но и посмотреть было нельзя!»

– Сидишь тут, как на другой планете, – с унылой злостью сказал Феликс и опять пнул колесо.

Как на другой планете... Алешка прислушался. На дороге стояла густая, пропитанная смолистым запахом тишина. Медленно качались верхушки сосен. Совсем бесшумно качались. Мохнатые тени тихо ползли по дороге. Где-то совсем далеко журчал мотор автомашины.

Это, конечно, очень плохо – сидеть здесь и ждать случайной помощи. Ждать почти напрасно.

– Ну, дашь? – в упор спросил Феликс.

– А мне сидеть здесь, пока ты... пока вы ездите? – тихо спросил Алешка.

Феликс наморщил маленький лоб, глянул на Алешку быстро и осторожно.

– Слушай, парень. Я бы тебе все объяснил. Если по тропинке вдоль насыпи, то еще ближе будет, чем по дороге. Машину-то оставлять мне тоже неохота. Может, съездишь?

Тропинки вдоль насыпи... Если вы часто ездите в поездах и любите стоять у вагонного окна, то знаете, что: эти узкие тропинки везде бегут вдоль железных дорог. То взлетают на снегозащитный гребень, то спускаются в ложбину, выются между кустами, тянутся от столба к столбу, обрываются у темных речек и чудом возникают на другой стороне. По ним, как и по рельсам, объехать можно всю страну.

Твердые, будто асфальт, они сами просятся под колесо, и километры летят незаметно...

А все-таки этот Феликс наврал. Стан оказался гораздо дальше, чем он говорил. Алешка насчитал десять километровых столбов, прежде чем увидел в стороне от насыпи длинные навесы и зеленые вагончики. Далеко среди желтого пшеничного поля.

Алешка подкатил к переезду. От шлагбаума разбегались дороги. Одна, пыльная и неширокая, вела к стану.

У горизонта ползли комбайны, похожие на припавших к земле кузнечиков...

Алешка остановил велосипед у крайнего вагончика. Несколько человек стояли рядом и все враз кричали друг на друга. На Алешку даже не глянули. Он этого не ожидал. Он думал, что спросят сразу: «Ты здесь зачем?» Тогда бы он объяснил. А так что делать?

– Здравствуйте, – сказал Алешка кричащим людям.

Они не слышали.

– Мне надо Колыванцева! – громко заявил Алешка.

Никто не обернулся.

Тогда он положил велосипед, шагнул к ним и, собравшись с духом, кого-то потянул за рукав.

На Алешку глянули сердитые, непонимающие глаза:

– Ну?

– Мне надо Колыванцева! – отчаянным голосом повторил Алешка.

– А я при чем? – Вдруг человек посмотрел куда-то через Алешку и крикнул с явным облегчением: – Дмитрий Васильич! Иди! К тебе тут...

Колыванцев был высокий, в пыльных до белизны сапогах, в сером пиджаке и полотняной фуражке, которая когда-то была белой, а теперь стала одного цвета с пиджаком. Худое небритое лицо его показалось Алешке сердитым.

– Что нужно? – спросил Колыванцев и, не дождавшись ответа, повернулся к спорящим: – Хоть орите, хоть нет. Зернопульты я вам вручную, что ли, буду крутить? – И опять нетерпеливо взглянул на Алешку. – Чего тебе?

– Мне Великанова, – пробормотал Алешка.

– Какого еще Великанова? Трое их.

– Миш... Михаила, – сказал Алешка. Феликс говорил ему про какого-то Мишку Великанова.

– Ну, а я-то для чего? Ищи этого Михаила.

– Ну, вы послушайте, – громко и жалобно произнес Алешка. – Ваш Ерохин застрял со столбами и говорит: «Найди Колыванцева, пусть пошлет Великанова, чтоб меня вытащил!»

– Кого вытащил? – хрипло спросил Колыванцев.

– Да Ерохина же! Два километра от тракта, на старой дороге.

Колыванцев отчаянно хлопнул себя по карманам.

– Какой дьявол его туда понес?! Где я тебе возьму Великанова?! Он здесь раз в сутки бывает! Чего чепуху-то молоть!

Алешка отступил на шаг.

– Что вы на меня кричите? – тихо сказал Алешка. Он еще хотел добавить, что не заставлял Ерохина опрокидывать прицеп, а Великанова – лишь раз в сутки приезжать на полевой стан...

Но Колыванцев замолчал, вздохнул и неожиданно спросил:

– Есть хочешь?

Алешка посмотрел в глаза Колыванцеву – припухшие, усталые и немного виноватые. Вытер локтем вспотевший лоб и кивнул. Он и правда хотел есть.

Они прошли через широкую утрамбованную площадку. Словно кто-то расчистил здесь футбольное поле. По краю площадки было вырыто несколько узких глубоких ям. «Для столбов, – понял Алешка. – Может быть, еще успеют поставить сегодня? Интересно, что такое зернопульты?»

– Уморился, пока ехал? – на ходу спросил Колыванцев.

– Да нет, – сказал Алешка и постарался шагать пошире.

– Все же без седла, на ногах. Километров двенадцать накрутил.

– Подумаешь, – сказал Алешка и вспомнил Юркин язвительный шепот. Собирались на рыбалку, и Юрка шептал: «Ну его, Борь, мамино сыночка. Еще заплачет по дороге, что устал...»

Шиш тебе, Юрка!

У дальнего вагончика дымила походная кухня, похожая немного на старинный паровоз.

– Катюша! – позвал Колыванцев.

Маленькая смуглая Катюша выскочила из-за кухни. «Будто прокопtilась здесь у огня», – подумал Алешка, и ему стало почему-то смешно.

– Осталось у тебя что-нибудь? – спросил ее Колыванцев.

Блестя белками глаз, Катюша затрещала:

– Ой, господи, Дмит-Васильич, ковалевцы не приезжали, Мохов не приезжал, студенты тоже. Совсем, что ли, не будут обедать? Куда я буду все это девать?

– Покорми человека. – Дмитрий Васильевич подтолкнул Алешку в спину шершавой ладонью.

Алешка получил полную чашку супа из разваренной картошки с коричневыми крупинками мяса.

Раньше, когда мама водила его к кому-нибудь в гости, он всегда отчаянно смущался за столом. Давился пирогом, захлебывался чаем и от неловкости начинал болтать ногами, что, по утверждению мамы, было уж совсем скверно.

А тут он не стеснялся. Нисколько. Сел прямо на землю, опустил ноги в яму для столба, поставил посудину на колени и взялся за ложку. Но алюминиевое дно обжигало колени. Тогда Алешка отошел к траве, лег на живот, поставил чашку перед собой. Сейчас же из травы попрыгали в суп крошечные зеленые букашки. И сварились. Алешка вздохнул:

– Вот сумасшедшие. – И стал вылавливать их кончиком ложки. Но рыгали все новые, и он махнул рукой.

Суп был горячий, и Алешка глотал, не разбирая вкуса. Краем глаза он увидел, как лихо подкатил тяжелый грузовик. Из кузова сбросили доски и осторожно спустили какой-то мотор.

К водителю подошел Колыванцев. Что-то сказал, и громадная машина послушно попятилась, развернулась и пошла назад, поднимая летучую пыль.

Алешка отнес посуду Катюше.

– Добавку? – спросила она.

Он засмеялся и замотал головой.

– И куда я все это дену? – жалобно глядя на котел, протянула Катюша.

На другом конце тока Алешка разыскал велосипед. Подъехал к Колыванцеву.

– Уже? – рассеянно спросил тот.

– До свидания, – сказал Алешка. – Мне к четырем обязательно надо домой.

– К четырем?

Дмитрий Васильевич вздернул рукав и показал часы. Было три минуты пятого.

Дорога прямая и ровная. Грузенный «ЗИЛ» идет мягко. Лишь изредка его потряхнет на случайной кочке. Тогда у велосипеда бренчит звонок и начинает медленно крутиться заднее колесо. Велосипед лежит у кабины, воткнувшись рулем в зерно. Алешка сидит рядом. Сидеть хорошо. Он зарыл в пшеницу ноги. Зерно сухое и прохладное. И поэтому даже солнце кажется не таким жарким. Да и не высоко оно, не так, как в полдень. Ветер бьет навстречу короткими хлесткими волнами. Эти волны пахнут теплой сухой землей, дымом торфа и смолистым воздухом леса.

Так бы ехать и ехать все время.

Но Алешке надо скорее домой. Василий, наверно, пришел уже и спрашивает, где велосипед. Он требует, чтобы к его приходу «машина» всегда была на месте. Поэтому и едет Алешка на грузовике.

Устроил его Колыванцев. Он вышел на дорогу и махнул первой же машине, и та затормозила, подняв перед собой серое пылевое облако. Водитель высунулся из кабины. Это был очень пожилой шофер. И, наверно, он казался еще старше, чем был на самом деле. В морщины набилась пыль, и они стали резкими и темными. Лицо недовольное, даже суровое.

– Закурить есть? – спросил Колыванцев.

Шофер молча протянул ему пачку и щелчком выбил сигарету.

– В Юрты сейчас? – поинтересовался Колыванцев, отыскивая в кармане спички.

– В Юрты.

– Мальца захвати. Ему туда же.

Шофер мельком взглянул на Алешку.

– Я еще в Боровое заскочу. Зерно-то надо ссыпать.

– Ну, заскочишь, а потом в Юрты. Все равно скорее, чем он на педалях пилить будет.

Приехал, понимаешь, Ерохина выручать. Устал, пока крутил.

– Я не устал. Просто мне надо быстрее, – объяснил Алешка.

Шофер не обратил внимания. Спросил Колыванцева:

– А с Ерохиным что?

– Сел в песке.

– Вот рыжий балалаечник, – сквозь зубы сказал водитель.

Почему балалаечник, было непонятно.

– Дмитрий Васильевич, а поехали уже его вытаскивать? —озабоченно спросил Алешка.

– Поехали уже.

– Великанов?

– Нет, другой.

Колыванцев легко поднял в кузов велосипед и велел Алешке садиться в кабину.

– Можно я в кузове? – Ехать рядом с сердитым водителем Алешке не хотелось.

– Не бойся, не свалится твой драндулет, – сказал шофер.

– Я не боюсь. Просто я хочу в кузове.

– Только без дураков там. Сиди смирно...

И вот Алешка сидит. Смотрит с высоты и видит землю. Земля – это круг, опоясанный дымчатой кромкой лесов. Круг, желтый от спелых колосьев, зеленый от листьев и трав. Он перехлестнут дорогами. По дорогам пылят машины. Вдали по насыпи тянется состав. Ходят в поле красные комбайны. А дальше, за насыпью, стелются над жухлой травой сухого болота седые космы дыма, уползают куда-то к лесу. Прошел над лесом самолет и оставил в небе черные точки. Точки падают, падают и вдруг превращаются в легкие белые пузырьки. Цепочка пузырьков повисает в синем воздухе. Парашютисты. Что это? Тренировка? Или что-то другое?

Круг земли, который виден Алешке, живет беспокойно и тревожно. Все в работе и движении. И Алешка, подхваченный этим движением, тоже мчится куда-то.

Ну и пусть. Даже хорошо, что так вышло. Если сегодня придет на стан лесовоз и поставят столбы, протянут провода и загудят таинственные зернопульты, то, может быть, не зря Алешка опоздал на берег. Ведь в конце концов не в последний рейс ушел «Рахманинов». Вот только Василий... Он может отобрать велосипед навсегда. Он не любит слушать объяснений... Но сегодня же пятница! Может быть, сегодня он придет поздно. Кажется, по пятницам он с друзьями ремонтирует поселковый клуб... В общем, все равно: теперь жалеть поздно.

Удивительная вещь – дорога. Сколько встреч и приключений на ней, если только не смотреть назад, не бояться...

Шофер оставил Алешку на заросшей лопухами деревенской улице. Сказал, что сдаст зерно и заедет сюда на обратном пути. А на пункте Алешке, мол, делать нечего.

Алешка прислонил велосипед к плетню, сооруженному из прутьев и палок. Потом сел в траву. И начал ждать.

Улица была пуста. Только бродили неподалеку серые недружелюбные гуси. Один из них, с шишковатым лбом и красными глазами, иногда отделялся от компании и направлялся к Алешке. Остановившись на полдороге, он вытягивал над землей шею и нахально шипел. Потом он успокоился. Успокоился и Алешка. Бросил прут, который на всякий случай выдернул из плетня.

А время шло. Где-то за домами гудели моторы, протарахтел мотоцикл, а здесь было тихо. Никого и ничего, кроме гусей.

Появилась собака,, очень большая, серая и лохматая. Она бежала куда-то по своим делам. Алешка подумал и свистнул. Собака остановилась. У нее была добрая, озабоченная морда.

Алешка чмокнул губами. Собака подошла и махнула хвостом, один раз, для приличия. Алешка погладил ей белое пятно на лбу, почесал за ухом. Собака терпеливо перенесла это и вопросительно глянула на него желтыми прозрачными глазами: а что дальше? Что дальше, Алешка и сам не знал. Взгляд собаки стал укоризненным: «Эх ты! А зачем-то звал, отрывал от дела». Она отвернулась и деловитой рысцой потрусила вдоль забора, сразу позабыв про Алешку.

Ему вдруг стало грустно, одному на пустой незнакомой улице.

И шофер куда-то исчез...

Алешка сорвал сухой стебелек, смерил его по длине мизинца, торчком зажал между указательным и средним пальцами. Потом развернул обе ладони, будто книгу. Тень стебелька перескочила шесть пальцев. Неужели шесть часов? Вот тебе и «скорее»!

Это Валька его научила так измерять время. А раз она сказала—значит, все правильно. Она никогда не врет ему. Не то что Алешка. Он терпит, терпит, а потом что-нибудь да сочинит. Зачем-то наврал про метеорит, который зажег торф... А может быть, не наврал? Может, правда был метеорит? Они же часто падают в августе...

– Все сидишь?..

Алешка вздрогнул. Это подошел шофер. Подошел незаметно и встал рядом. И смотрит как-то внимательно, будто хочет о чем-то спросить. Он, наверно, не сердитый, а просто очень устал.

– Ну, пойдем, – тихо сказал шофер.

Алешка вскочил и взял велосипед.

– К машине? А где она?

– Там она... Пойдем.

Он пошел вперед, потом замедлил шаги, чтобы Алешка догнал его.

– Вот что... Звать-то тебя как?

– Алеша.

– Вот что, Алексей, – мягко сказал шофер, – тут беда случилась. Человек раненый, надо бы в больницу везти. А машин, кроме моей, нет.

– Да? – пробормотал Алешка. Больше он не знал, что сказать. Ранило какого-то человека. И есть только одна машина.

– А до Юрт далеко? – спросил он.

– Тридцать один. По спидометру.

– У-у... – вырвалось у Алешки.

– То-то и оно, что «у-у».

Они подошли к длинному дому с побеленным каменным фундаментом. У калитки стояли трое. Алешка слышал, как один говорил:

– Я фельдшер, а не хирург. Что вы, честное слово... И рентгена здесь нет.

На скамейке, привалившись к забору, неловко вытянув ногу, сидел четвертый. В синем брезентовом комбинезоне. Рядом лежал кожаный шлем.

– Парашютист? – шепотом спросил Алешка и шофера.

– Да... Из пожарников. Парашют раскрылся не полностью.

– А нога сломана, да?

– Кто ее знает... Вроде нет перелома, фельдшер не обнаружил, а все-таки... Сам видишь.

Парашютист прислонился затылком к доске, молчал и по очереди смотрел на стоявших. Лицо у него было бело-коричневым, с запавшими щеками. Он коротко дышал, приоткрыв рот и сжав зубы.

Человек в кожаной куртке на плечах осторожно сказал парашютисту:

– Вы три километра продержались едва-едва. А до города пятьдесят. Будь у меня коляска – другое дело...

– Но есть же машина! – вмешался еще один, сердито жуящий папиросу.

– Есть-то есть, – озабоченно проговорил шофер, и все повернулись к нему.

Тот, который говорил про машину, сунул в карман кулаки, выплюнул окурок и тонко закричал:

– Будешь сопляков возить, а человек пусть мучается?!

Парашиотист разжал зубы.

– Ты за меня не плачь... Я могу и здесь отлежаться. Приходилось и не так...

– Я не знаю, – устало и раздраженно сказал фельдшер. – Не знаю, понятно? Может быть, ничего серьезного, а может быть...

– Вот-вот! – снова закричал самый шумный из мужчин. – Все может быть! А мы в детский сад играем!

Пальцы шофера крепче сжали Алешкино плечо.

– Ты не ори попусту, – медленно произнес шофер. – В Юрты больше не будет машин. А тридцать верст для парня – путь не близкий. И он не просто так катается, он тоже сделал свое дело. А у меня распоряжение Колыванцева.

И, чуть наклонившись к Алешке, он негромко сказал:

– В общем, решай сам.

Алешка растерялся. Он никогда не решал таких вопросов. Чтобы вот так, от одного его слова зависело, куда пойдет, кого повезет громадная, могучая машина. Он вспомнил колонну грузовиков на тракте. Если бы там они были так послушны!.. А люди ждали. И вдруг Алешке стало стыдно, что он думает о всякой ерунде и молчит. Ведь вопрос-то хоть и важный, но совсем простой. Чего же тут думать?

Он так и сказал:

– Чего тут решать...

– А доберешься? – спросил шофер.

– Доберусь. Подумаешь! – сказал Алешка. И вдруг понял, что другого ответа от него и не ждали.

Человек в кожаной куртке вдруг предложил:

– Оставь-ка ты велосипед у меня. И адрес напиши. Завтра забросим на попутной. А сейчас я тебя на мотоцикле.

И все заговорили, что это правильно, что так и надо сделать.

– Я не могу, – сказал Алешка, – он не мой. Обязательно надо сегодня.

– Высплут тебе дома небось, что поздно приедешь, – вдруг посочувствовал тот, который недавно кричал.

– Просто больше не дадут велосипед, – сказал Алешка.

– Мальчик, подожди. – Это снова заговорил парашютист. Он потянулся к боковому карману. Фельдшер поспешно качнулся к нему, но движением пальцев парашютист остановил его. Медленно оттянул язычок застежки-"молнии" и вытащил плотный помятый конверт.

– Где-нибудь опусти по дороге. Ладно? Ну, спасибо.

– Я опущу на станции, – пообещал Алешка. Прежде, чем сунуть письмо под майку, он украдкой прочитал адрес: «Дмитров, Центральная, 3-а, кв. 19, Кольчугиной Марии В.».

Кто она, Кольчугина Мария В.? Может быть, жена, может быть, мать. Она не узнает про несчастье. Ведь письмо наверняка написано еще перед полетом. Кольчугина Мария Будет думать, что все в порядке. И пусть. Значит, так надо.

Он повернул велосипед и встал на педаль. И сказал всем:

– До свидания.

– Ты помнишь дорогу? – спросил шофер.

– Помню.

Алешка толкнулся ногой. Потом ему захотелось обернуться и сказать парашютисту: «А вы поправляйтесь скорее». Но дорога пошла под уклон, и к тому же блестели на ней битые стекла. Нельзя оглядываться, когда такая дорога...

Алешка засвистел сквозь зубы и нажал на педали. Тридцать один километр. Он никогда не проезжал столько. И он все понимает: что его будут искать, что Василий, не говоря ни слова, молча уведет велосипед в сарай и повесит замок, что Валька будет вздыхать и молча жалеть его, Алешку... Но если так получается! Если вдруг на лесной дороге валится в кювет лесовоз, если горит торф и грозит огнем лесу, а у десантников иногда не совсем раскрываются парашюты...

Дорога была ровной, и велосипед шел легко. И Алешка подумал, что, может быть, не так уж и много тридцать один километр. Он не знал, что усталость иногда приходит неожиданно и сразу. Падает на плечи, как мешок с песком. Не знал, что в темноте любая дорога может показаться незнакомой.

И не знал еще самого обидного: проезжая мимо станции, он забудет опустить в ящик письмо. И почти у самого дома, закусив губу, чтобы не заплакать, он повернет назад тяжелый и непослушный велосипед...

3

Все так и получилось, как он ожидал.

Василий стоял у крыльца, и огонек его сигареты то сердито разгорался, то почти угасал.

Алешка молча прислонил велосипед к палисаднику и направился к воротам. Он шел и смотрел под ноги. Василий выплюнул сигарету. Красный огонек искрами рассыпался по дороге. Василий взялся за руль и сказал в спину Алешке:

– Черта с два ты его еще увидишь.

Алешка не оглянулся.

Во дворе пахло парным молоком и подгоревшей картошкой. И сразу же страшно, до боли в желудке, захотелось есть. Но еще больше, гораздо больше, хотелось просто лечь и вытянуть ноги. И он решил, что сначала немного полежит, а потом спустится и поест.

Алешка медленно подошел к лестнице. Ноги были как деревянные. Они могли бы еще, пожалуй, крутить педали, но ходить словно разучились. И подниматься было трудно, особенно вначале, где не хватало двух перекладин лестницы.

Он поднялся и нырнул в черный квадрат окна.

– Появился мамочкин жених!

Алешка узнал голос Бориса. Но узнал с трудом. Борис никогда не говорил так раньше. Может быть, думал, но не говорил.

– Ты чего? – слабо сказал Алешка. – Ну, пусти. – Он не видел Бориса, но чувствовал в темноте, как тот загородил ему дорогу.

– Чего! Пусти! Где-то шатается, а люди из-за него не спят! Как въеду сейчас!

Борис щелкнул фонариком и качнулся вперед. Алешка быстро вскинул руку. Он не боялся, что Борис ударит. Просто закрылся локтем от слепящего света.

Он простоял так несколько секунд. Было тихо. Даже как-то слишком тихо.

– Алешка, ой... – Это сказала Валька. Тогда он, жмурясь, опустил руку. Широкий луч фонарика уперся ему в локоть.

– Вот это да-а... – потянул Юрка.

– Где это ты? – хмуро спросил Борис.

– Что?

– Ну, это... – Борис двумя пальцами приподнял его локоть. И Алешка увидел длинную ссадину, с запекшейся кровью. К ней прилипли зернышки пшеницы.

– Ты хоть скажи по-людски, где был, проговорил Борис.

– Я скажу... Только полежу, ладно?

Он лег на мохнатый, пахнувший теплой шерстью тулуп и закрыл глаза. И сразу перед глазами поплыла дорога. Она разворачивалась, бесконечная, как кинолента, повторяя дневной Алешкин путь. Он видел дорогу со всеми подробностями, которые память сберегла зачем-то в самом дальнем своем уголке. Видел сосновую ветку в глубокой колее, сверкнувшие звездами песчинки, узорчатые змеи автомобильных следов, пунцовые головки клевера у края тропинки... И все это плыло, плыло, плыло... И начинала кружиться голова. Тогда Алешка резко дернулся и повернулся на бок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.